

УДК 37.01.(092)

Л. М. Найбороденко

УЧАСТИЕ ПРОФЕССОРА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С. И. ГЕССЕНА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СИБИРСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Институт развития образовательных систем РАО, г. Томск

Важное место в деятельности С. И. Гессена томского периода занимала подготовка и проведение курсов для народных учителей. Примером могут служить летние курсы 1918 г. Цель их состояла в том, чтобы подготовить «учащих (так называли учителей в тот период) к занятиям в новой реорганизованной школе». Как отмечалось в резолюции второго Западно-Сибирского краевого делегатского учительского съезда весной 1918 г., задачи курсов заключались в «освежении знаний, приобретении некоторых общих сведений по новейшим течениям науки и создание стимулов для творческой деятельности учащихся на местах» [1, с. 85]. Кроме того, курсы должны были «показать средства для исправления школьных недостатков, научить учащихся преподаванию новых предметов», – писал один из организаторов летних курсов 1918 г. для томских учителей П. А. Васильев [2, с. 49]. В программе курсов были четко указаны методические вопросы по всем школьным предметам, причем среди них следует выделить новые дисциплины, такие, как сибиреведение, геология и минералогия, история революций, политическая экономия, право.

Курсам планировалось придать практическую направленность, поэтому учителя должны были быть обучены умениям, «необходимым для занятий в новой школе»: художественному чтению, лепке, педагогическом ручному труду, пению, производству различных опытов и практических работ по природоведению, устройству экскурсий исторических, географических и естественно-исторических, приготовлению моделей геометрических тел, простейших приборов по физике, химии. Практические занятия «курсистов» в лабораториях, мастерских, музеях и на выставках учебных пособий должны были сопровождаться и теоретическими сообщениями. Методические указания предполагалось иллюстрировать уроками в образцовой школе [2, с. 50].

Как свидетельствуют документы, подготовкой летних учительских курсов 1918 г. занималось Губернское правление совместно с уездным. П. А. Васильев разработал проект курсов. Очень важно отметить, что этот проект обсуждался Правлением с профессором Гессеном и «был принят с небольшими изменениями». Хотя и косвенной, но значительной была роль С. И. Гессена и в решении финансовых вопросов этих курсов. Доклад о курсах был подготовлен для гу-

бернской земской управы, и смету расходов на курсы должно было утвердить и осуществить губернское земское собрание. Земское собрание не состоялось вследствие упразднения земства, и губернскому правлению пришлось искать иной выход. Благодаря тому, что С. И. Гессен получил предложение от культурно-просветительских организаций Омской и Томской железных дорог устроить для их учителей курсы, представители этих организаций, правление губернского учительского союза и профессор Гессен «решили для сокращения расходов и экономии преподавательских сил организовать совместные курсы». Дело было в том, что Губернский учительский союз своих средств не имел, он обратился за ассигнованиями на курсы в размере 300 тыс. руб. к Совету депутатов. По сведению Ф. Ф. Шамахова, имели место трения между Учительским союзом и Томским Советом депутатов по поводу программ курсов, в частности в апреле 1918 г. Историк пишет, что Совдеп «отстранил от составления программ и подбора лекторов Учительский союз и передал это дело в руки Губоно». Губернский комиссар по просвещению В. М. Бахметьев заявил, что «народу нужна новая школа, поэтому прочь от кафедры общественных знаний тех, кто отравлен ядом буржуазной идеологии» [3, с. 68]. Позже, как видно из документов, было достигнуто согласие между Учительским союзом и Советом депутатов. Ясно, что шла борьба за учительство, за влияние на его умы.

Совет депутатов попросил предоставить ему программу и смету курсов, он решил дать средства с тем условием, чтобы курсы устраивались от имени комитета по народному образованию при Совдепе. Возникновение финансовых проблем объяснялось исторической обстановкой весны 1918 г., периодом межвременья, «междувластия». Тем не менее курсы были учреждены как почти двухмесячные со 2 мая по 20 июля 1918 г. нового стиля. Слушателями курсов приглашались быть все учителя начальных и высших начальных училищ Томской губернии, учителя Томской и Омской железных дорог и других губерний при наличии свободных мест. Руководить курсами должен был их Совет, в который вошли все преподаватели, а также представители организаторов этих курсов, указанные выше [4, с. 77].

Судя по документам, начало работы курсов было перенесено на более поздний срок, и финансовые

проблемы решались дополнительно. Так, на заседании Томского губернского Школьного совета 12 июня 1918 г. вновь был поставлен вопрос о летних курсах. Было отмечено, что этот вопрос был практически решен всеми руководящими органами народного просвещения Томской губернии и одобрен ими. Но так как необходимо было объявить о времени начала курсов, их программе, Школьный совет поручил В. П. Денисову, его руководителю, «внести не позднее пятницы 14 июня 1918 г. от имени Губернской Земской управы в Комиссариат Временного Сибирского правительства ходатайство об отпуске кредитов на устройство курсов» [5, с. 65]. Причина этих проблем автором указана: падение в конце мая 1918 г. власти Советов и установление власти Временного Сибирского правительства, как и звучит в документе.

Предложенный выше читателю сюжет о подготовке летних курсов 1918 г. при активном участии С. И. Гессена был явно не завершенным, автор не располагала источником о работе курсов, поэтому не было точно известно, состоялись ли они в условиях Гражданской войны, а если и состоялись, то где проходили, каково было число участников, какова была программа курсов, кто читал лекции для учителей, где и как было получено финансирование их и т.д. К счастью, источник удалось выявить в редком фонде Томской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Это «Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 года», брошюра в 104 листа мелкого шрифта, изданная в Томске, в типографии Военной академии в 1919 г. «Отчет» был составлен по поручению школьного отдела Томской Губернской Земской Управы профессором Томского университета Алексеем Александровичем Кулябко. По предположению автора, редактором «Отчета» был С. И. Гессен, чувствуется его стиль во введении к «Отчету», чувствуется его мысль в создании документа не бюрократического типа, а именно научного, кроме того, во введении звучит фраза: «Как близко стоявший к курсам, я охотно принял предложение школьного отдела земства и школьного отдела Томской железной дороги взять на себя редактирование отчета» [6, с. 2]. Кроме того, два важных раздела документа подписаны пусть не прямо именем Гессена, но под ними стоит полное слово «Редактор» или сокращенное «Ред.», что означает, что не составитель А. А. Кулябко их готовил, а редактор. Вот эти разделы: «Введение», «Задачи организации будущих летних курсов» в 4,5 листа научного текста; сюда же примыкает не подписанный «Проект положения об учреждении постоянной комиссии по организации летних курсов для учителей», который является логическим продолжением предыдущего раздела. Думается, что и идея анкетирования учителей, анализ их состава также принадлежат С. И. Гессену как ученому, жившему интересами школы, учительства [6, с. 1, 2, 73–78].

Структура документа четкая, он состоит из оглавления, введения, очерка истории возникновения курсов, разделов о преподавании, о слушателях и слушательницах, программ всех курсов, читанных учителям, информации об экскурсиях, анкетировании учителей, трех приложений, в которых содержится «именной список всех слушателей и слушательниц» курсов, а также финансовый и хозяйственный отчеты. Источник носит аналитический характер, в частности редактор и составитель осуществили анкетирование слушателей курсов, кроме того, они исследовали состав «курсистов» по месту жительства, по полу, «по образовательному цензу», как тогда было принято говорить, что нашло отражение в 13 таблицах. Итак, выявлен ценнейший исторический документ, который впервые вводится в научный оборот. Его, по сведениям автора, не использовал Ф. Ф. Шамахов, возможно, потому, что «Отчет...» не был в свободном доступе в 1930–1980-е гг.; на этот документ не ссылаются и другие авторы, которые занимаются томским периодом в деятельности С. И. Гессена.

В силу того, что проблема повышения квалификации томского учительства является самостоятельной, в данной статье выделим лишь те аспекты этой проблемы, которые непосредственно связаны с участием профессора Гессена в проведении курсов. Но вначале осветим вопрос о самих курсах, отметим их особенности. Итак, летние томские учительские курсы состоялись несколько позже, чем планировалось, с 22 июля по 1 сентября 1918 г. В них приняли участие 715 человек, в том числе мужчин 127, или около 18 %, и женщин 588, или 82 %, от общего числа. Преобладающее большинство составляли земские учителя и учительницы, их число равняется 329, или 46 %. Учителя школ Томской железной дороги «прибыли в числе 131 человека, или 18,3 %». Омская железная дорога дала 89 слушателей, или 12,4 %; «курсисты» из городских учителей – томских и иногородних – составили группу в 71 человек, т.е. 9,9 %, 1/10 часть; наконец, 95 человек, или 13,3 %, были отнесены к группе посторонних (т.е. не командированных ни земствами, ни железными дорогами). Таким образом, земские составляли около половины, железнодорожные – около трети и городские – около одной десятой части всего числа [6, с. 13].

Из каких же «сел и весей», городов и уездов съехались в Томск летом 1918 г. сибирские «учащие»? Они собрались из 12 городов Сибири, в том числе из Барнаула, Енисейска, Каинска, Красноярска, Мариинска, Нарыма, Ново-Николаевска, Омска, Петропавловска, Славгорода, Тайги, Томска; они прибыли из 20 уездов, в том числе, из Кузнецкого, Славгородского, Змеиногорского, Алло-Алылаковского, Акмолинской области, Иркутской губернии, Якутской области, Луцкого уезда Волынской губернии, Уфимского уезда Уфимской губернии, иначе – со всех уголков и закоулков Сибири, и не только [6, с. 14, 16].

Курсы были особенно своевременны, если иметь в виду довольно низкий уровень образования учителей. Так, из 71 городского учителя и учительницы 49 имели высшее и среднее специальное образование, низшее – 9, специальное педагогическое – 31, причем было предоставлено вместе оба вида образования, а следующая таблица дает подробное представление об уровне образования городских учителей: с высшим образованием была всего 1 учительница, педагогические курсы закончили – 4 человека, сельхозкурсы – 1, реальное училище – 1, гимназию и педагогические курсы – 1, гимназию и учительский институт – 3, 8 классов гимназии – 21, 7 классов гимназии – 8, учительский институт – 2, епархиальное училище – 6, и далее сведения идут по нисходящей линии, где указано неполное гимназическое образование, даже общеобразовательные курсы, 13 учителей не дали сведений о своем образовании [табл. III, с. 15]. Из 329 земских учителей высшее и среднее образование имели 49 учителей, низшее – 155, специальную педагогическую подготовку – 45, не дали сведений – 125. Несколько выше был образовательный уровень у учителей железнодорожных школ Томской и Омской железных дорог. По Томской дороге лица, имевшие среднее и выше среднего образование, составили 92,5 % от общего числа, остальные 7,5 % имели образовательный ценз ниже среднего. Примерно такое же положение было у педагогов школ Омской дороги [6, с. 15, 17].

Как отмечал редактор, «превысивший всякие ожидания огромный приток записавшихся на курсы с полной несомненностью показывает, насколько желательными и необходимыми явились эти курсы», они дали учителям «достаточно духовной пищи, освежили, обновили и пополнили их познания». Курсы явились ответом их руководителей на реформу школы, которая готовилась в России еще до начала революции [6, с. 4], реформу, которая должна была преодолеть недостатки в образовании детей. К их числу относились игнорирование воспитания, слабое приучение детей к книге, к самостоятельному пользованию ею, к самообразованию; трудовой принцип не осуществлялся; всю школьную науку дети усваивали пассивно, словесно; по многим предметам преобладала зубрёжка; местный материал при изучении истории, географии, других предметов игнорировался, экскурсии не проводились; на физическое развитие детей в школе внимания не обращалось; большинство «учащих народной школы с новыми течениями в педагогике не были знакомы», педагогический ручной труд, рисование, лепка и пение в школах отсутствовали и др. Поэтому «учащие» на курсах должны были восполнить дефицит своих знаний, чтобы преодолеть указанные недостатки.

С этой целью учителям были предложены на курсах пять циклов лекций: основной или педагогический цикл (102 лекции), истории и права (30 лекций),

русского языка и литературы (37 лекций), физико-математический (52 лекции), естествоведения (58 лекций). За 35 лекционных дней было прочитано 289 часовых лекций. Кто их читал? Это — ключевой вопрос в любом учебном заведении, а курсы и явились временным учебным педагогическим заведением, можно говорить, своеобразным филиалом Томского государственного университета, технологического и Учительского институтов, или, точнее, временно действовавшим благодаря объединению сил указанных выше учебных заведений педагогическим университетом. Общее число лекторов достигло двадцати одного, «из коих 10 являлись профессорами университета и технологического института». Назовём их поименно:

- профессор Томского университета Николай Александрович Александров (химия, методика и история музыки);
- профессор Николай Иванович Березнеговский (подача неотложной медицинской помощи в несчастных случаях);
- профессор Томского технологического института Борис Петрович Вейнберг (физика);
- директор Томской гимназии Иван Мефодьевич Воскресенский (история литературы);
- профессор Томского университета Сергей Иосифович Гессен (педагогика, право);
- преподаватель математики в Томском реальном училище Фаддей Ромуальдович Дульский (методика геометрии);
- преподаватель пения в Учительском институте Пётр Евсеевич Евсеев (методика пения);
- ассистент нервной клиники Василий Васильевич Корелин (педагогическая психология с учением о дефективных детях);
- заведующий отделом народного образования Томской Губернской Земской Управы Филипп Тарасевич Кудимов (гражданское воспитание);
- профессор Томского университета Алексей Александрович Кулябко (физиология и биология);
- профессор технологического института Аркадий Валерианович Лаврский (геология и минералогия);
- профессор университета Павел Григорьевич Любомиров (история);
- преподаватель Учительского института Николай Иванович Молотилов (методика ручного труда);
- врач Владислав Станиславович Пирусский (физическое воспитание);
- профессор Александр Петрович Поспелов (физика);
- профессор Михаил Дмитриевич Рузский (основы зоологии);
- преподаватель Леонид Алексеевич Романченко (о плавании);
- преподаватель Учительского института Сергей Васильевич Спицын (методика русского языка);

– профессор Сергей Михайлович Тимашев (устройство яслей);

– художник Павел Иванович Шарламов (методика лепки и рисования);

– преподаватель технологического института Василий Иванович Шумилов (методика арифметики и алгебры) [6, с. 9–11].

Курсы работали в аудиториях Томского университета и технологического института, любезно предоставленных для этой цели администрацией этих вузов. Многие лекции сопровождалась демонстрацией таблиц, рисунков, моделей, препаратов и диапозитивов. Лекции по химии сопровождалась многочисленными опытами, в постановке которых участвовали сами «курсисты». Были устроены осмотры анатомического института, зоологического музея, политехнического училища, библиотеки Томского университета. Материалы лекций по физиологии и биологии были проиллюстрированы двумя сеансами научных фильмов в томском кинематографе «Фурор». Некоторые профессора привлекали своих слушателей к самостоятельной работе, они давали им темы, вопросы в этой связи, устраивали консультации, предлагали списки литературы. Наконец, преподаватели курсов, их руководители организовали для учителей четырнадцать образовательных экскурсий, среди них следует выделить особенно интересные, такие, как в горный музей технологического института, в детскую колонию (лагерь) В. С. Пирусского, в астрономическую лабораторию, историческую экскурсию по достопримечательным местам Томска, в Анжерские и Судженские копи и др. [6, с. 11–12].

Итак, новые дисциплины на курсах, организация обучения по циклам, высокий научный уровень прочитанных лекций, их методическое, опытническое, наглядное сопровождение, образовательные экскурсии – всё это свидетельствовало о тщательной подготовке этого временного педагогического учебного заведения, об отличной режиссуре, о том, что чувствовалась рука мастера, мысль идеолога этих курсов. Как звучит в документах, автором проекта был П. А. Васильев, судя по всему, бывший учитель, к 1917–1918 гг. ставший сотрудником структур управления школами. Но он во всём советовался с С. И. Гессеном, как отмечалось выше, именно с ним согласовывал план курсов, несомненно, что С. И. Гессену, единственному в Томске классному специалисту по педагогике, принадлежит и роль научного руководителя и вдохновителя курсов. Суть новизны курсов нами отмечена.

С точки зрения повышения квалификации учителя, роста его профессионализма главное было в том, что весь учебный процесс на курсах явился образцом для подражания учителям, все важнейшие дидактические принципы были реализованы: использование достижений науки, вовлечение учителей в овладение новым знанием, наглядность, связь с жи-

знию, развитие интереса к познанию, закрепление приобретенных знаний и т.п. Не ошибемся, если скажем, что они были проведены в соответствии с требованиями современной ученому российской и европейской педагогической науки, в соответствии с собственными научными разработками С. И. Гессена. Отмеченное подтверждается материалами основного – педагогического – цикла, который был предложен сибирским учителям. Этот цикл включал, прежде всего, программу новаторского курса С. И. Гессена «Философские основы педагогики». Она состояла из введения, двух отделов и заключения. Во введении было дано определение педагогики как науки. В первом отделе излагалась теория нравственного воспитания, в частности такие её вопросы, как принудительное и свободное воспитание, дисциплина и свобода в воспитании, школьное воспитание как развитие в детях правового чувства и общественного сознания; свободное самовоспитание; проблема наказания. Второй отдел был посвящен теоретическому образованию, иначе – умственному развитию ребёнка, юноши, взрослого человека, преподавателя, учителя. Профессор отлично структурировал свой курс, в частности второй отдел, дал определение теоретическому образованию, назвал его цели и состав, основные ступени, такие, как элементарный, систематический и научный курсы, выделил проблемы наглядного обучения. В заключение были коротко освещены другие виды воспитания, такие, как эстетическое, религиозное, хозяйственное, физическое. В конце он коснулся теории гигиены, дал окончательное определение образованию и педагогике. Все разделы курса были снабжены списком русской и европейской литературы [6, с. 24–27]. Суть воззрений С. И. Гессена в вопросах воспитания заключалась в формировании творческой, гармонически развитой личности, духовно свободной, с высоким уровнем нравственности и интеллекта, причём без акцента на классовые приоритеты, с признанием общечеловеческих ценностей.

Как соотносится курс С. И. Гессена «Философские основы педагогики», прочитанный летом 1918 г., с его фундаментальным трудом «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», изданным в Берлине в 1923 г., а в России в 1995 г.? Анализ двух источников показывает, что главные положения, идеи курса, прочитанного профессором сибирским учителям летом 1918 г., легли в основу его книги, естественно, будучи углубленными, развёрнутыми, более аргументированными. Важно отметить, что главный труд учёного, идеи которого были разработаны в Томске, сохраняет свою ценность, актуальность и для современности. Ответственный редактор указанной монографии доктор философских наук П. В. Алексеев считает её одной из лучших книг XX столетия по педагогике [7, с. 4]. Итак, томские учителя на курсах летом 1918 г. имели возможность слушать одного из талантливейших российских философов-педагогов.

На летних курсах 1918 г. С. И. Гессеном был предложен учителям также краткий курс в шесть часов по философии права. К числу основных проблем этого курса относились следующие: политическая свобода и социализм, «свобода как равная для всех», социализм как конечный вывод из идеи правового государства, демократия как господство общей воли народа; научный социализм как соединение идеи социализма и идеи демократии; соотношение понятий коммунизм, анархизм и социализм; право и нравственность; социализм как дальнейшее развитие либерализма. Гессен как философ права и как социал-демократ, сторонник взглядов группы Г. В. Плеханова «Единство», изложил в курсе свои собственные и современные ему воззрения по указанным вопросам [6, с. 53].

Цикл педагогический включал также лекции по экспериментальной педагогике и учению о дефективных детях, который был предложен ассистентом нервной клиники В. В. Корелиным. Этот курс также интересен, иное его название – педагогическая психология. К основному циклу относилась и лекция профессора С. Тимашова о смертности детей в России, причинах её и мерах борьбы с нею, а также об организации городских и деревенских приютов и яслей. Важное место в основном цикле, в целом в работе на курсах было отведено занятиям по ручному труду. Они были проведены профессионалом высокого класса, преподавателем Н. И. Молотиловым, причём в его мастерских в Томском учительском институте. Отчет о занятиях по ручному труду в документе о курсах подробный, программа обстоятельная, она дифференцированно освещала проблему применительно к возрасту детей, раскрывая суть методики педагогического ручного труда в соответствии с материалом: бумагой, деревом, металлом. Ценно, что Н. И. Молотиллов видел в ручном труде возможности для всестороннего и гармонического развития всех сил детского организма. Число слушателей-педагогов на занятиях Н. И. Молотилова составляли от 3-х до 4-х групп по 30–35 человек в каждой [6, с. 29–36].

Педагогический цикл на курсах включал и занятия В. С. Пирусского, врача, талантливого организатора оздоровления детей, последователя П. Ф. Лесгафта. Они были посвящены физическому развитию детей, их физической культуре. Ценные сведения учителя получили и из лекций профессора Н. И. Березнеговского об оказании медицинской помощи в несчастных случаях. Особое место в педагогическом цикле на курсах заняла проблема гражданского воспитания, как указано, читанная Ф. Т. Куимовым. Она была очень актуальна, «мы – не рабы, рабы – не мы» – утверждалось тогда, все это воспринималось остро. «Чтобы воспитать гражданина из детей, надо учителю самому быть гражданином, тогда всё остальное приложится», – такова основная мысль лекций Куимова. Он готовил книгу по указанной проблеме. Воп-

росы эстетического, духовного развития детей также получили освещение на курсах. Три беседы по методике и эстетике музыки были предложены учителям профессором Н. А. Александровым, причём они сопровождались музыкальными иллюстрациями из произведений Баха, Бетховена, Шопена и других композиторов. С методикой школьного хорового пения учителей знакомил П. Е. Евсевьев, преподаватель Учительского института. Педагогический цикл завершали занятия по лепке и рисованию, проведенные в анатомическом институте художником П. И. Шарлаимовым, причём, как и предыдущие, эти занятия были глубоко продуманными, нацеленными на передачу педагогам знаний в области истории искусств, в частности живописи, скульптуры, архитектуры [6, с. 36–44].

Итак, одним из главных организаторов летних педагогических курсов был Гессен, автором структуры их основного педагогического цикла был несомненно он. Лекции С. И. Гессена, наряду с лекциями таких профессоров, как историк П. Г. Любомиров, физиолог А. А. Кулябко, зоолог М. Д. Рузский, были самыми востребованными. Их посещаемость достигала до 300–400 человек, «учителя толпились даже в коридорах». Основной цикл давал базовые знания учителям, отметим, как это отражено и в программах, что цикл не был политизирован, идеологизирован. Школа должна была быть вне политики, автономна, – так считали кадеты, либералы. Тем не менее стоит отметить, что такие поистине классные курсы были подготовлены и проведены именно либералами, ясно, что они хотели в острый момент борьбы за власть привлечь сибирское учительство на свою сторону. Думается, что это им удалось, как ни звучит парадоксально, благодаря тому, что акцент на политику не делался. Правда, лекции историка профессора П. Г. Любомирова были посвящены Смутному времени конца XVI – начала XVII в. по аналогии со смутными 1917–1918 гг., а также проблемам подготовки Первой мировой войны, что тоже было весьма актуально; был вычитан спецкурс «Из истории освобождения России (от эпохи Петра I до Февральской революции 1917 г.)» [6, с. 46–53].

Курсы, во главе которых была профессура Томского университета и технологического института, вдохновителем и идеологом которых был С. И. Гессен, удалось в силу целого ряда исторических обстоятельств. Одно из главных заключалось в падении власти Советов в начале июня 1918 г. в Томске и установлении здесь власти сибирского комиссариата Временного правительства Автономной Сибири, отдел народного образования которого возглавил профессор Томского университета В. В. Сапожников, состоявший до этого ректором университета. Почему раньше курсы не были проведены? Шла борьба между Учительским союзом и Советом депутатов, у первого была программа курсов, у второго – финансы. Трения и борьба прекратились с падением власти Со-

ветов. Именно Министерство народного просвещения (а не отдел), так звучит в документе, выделило основную сумму денег на курсы – 63750 руб., средства вложили Томская и Омская железные дороги – по 30 тыс. руб. каждая. Общий бюджет курсов составил 123.750 руб. Этим была решена судьба курсов, они состоялись. Кроме того, деньги поступили от Алтайского губернского земства, от союза служащих Омской железной дороги, от Томской уездной и губернской земской управы в сумме 14.975 руб. 50 коп. на пособие земским учителям. На курсы жертвовали разные учительские организации, уездные управы. Это был приход вне сметы. «Отчёт» содержит полный финансовый «расклад» расходов, организаторы вели дело экономно, часть средств осталась (35.658 руб. 89 коп.). Земские учителя-«курсисты» получили пособие в сумме 200 руб., «железнодорожные» – несколько больше, каждый – на «жизнь», питание и т.д. Профессорам труд был оплачен достойно – по 20 руб. в час, хотя деньги в 1918 г. и теряли цену. Кроме того, организаторы курсов смогли обеспечить учителей-«курсистов» почти со всей Сибири общежитиями, их было открыто десять в томских гимназиях, училищах, в Учительском институте (вместе со столовой) и в других местах. Наличие финансов позволило организаторам организовать выезд учителей в Анжерку и Судженск (видимо, железнодорожный профсоюз помог) на экскурсии на копи. Кроме того, медики обслуживали учителей, что тоже требовало средств. Итак, основные факторы – политический и финансовый [6, с. 99–101].

Но стоит отметить и еще один фактор, обеспечивший успех курсов летом 1918 г. Каков он? Это сплочённые действия важнейших структур, сотрудничество лиц, занятых подготовкой курсов. Что это за структуры и лица? Это, конечно, органы управления учительством в губернии, причём с осени 1917 г., когда возникла мысль проведения курсов: это Комиссия народного образования при Совете депутатов во главе с В. М. Бахметьевым, позже – отдел народного образования в Томской губернской земской управе во главе с Ф. Т. Куимовым. Далее, это Губернский учительский союз во главе с В. П. Денисовым. Особо выделим роль П. В. Васильева, который начинал подготовку курсов, сделал очень многое, но в канун курсов ушёл в отпуск, а в конце их работы вернулся. Конечно, велика роль Министерства народного просвещения и главы В. В. Сапожникова, это отмечено. Профессора университета и технологического института, преподаватели Учительского института сыграли «главную скрипку» на курсах, но ведь они были в отпуске – лето! Значит, работали в отпусковое время.

А сами учителя? Они входили в созданную на курсах организационную комиссию, в которой были Л. Н. Гутовская, профессор С. И. Гессен и П. А. Васильев. В хозяйственной комиссии было свыше

20 учителей, среди них А. Киселева, С. Никитина, П. Колбин и др. [6, с. 110]. Можно говорить о том, что объединились все духовно-нравственные и интеллектуальные силы Томска. Педагогический Томск здесь проявил себя благородно. Но кто же был связующим звеном, казалось бы, не связанных между собой сил? Думается, что таким звеном, такой «палочкой-выручалочкой» был С. И. Гессен. Именно он был «вхож» в органы власти и красных и белых, именно он был своим в Учительском институте, читал там лекции педагогам на их курсах, именно он был автором цикла лекций по педагогике в Томском университете, но отметим, не только по педагогике, но и по логике, основам теоретической философии, истории греческой философии, введению в философию нравственности и права, этике и философии права, социологии и др., он имел высокий престиж в университете, как профессор по кафедре философии и логики на историко-филологическом факультете, поэтому профессура томских вузов его уважала, именно Гессен в этот период готовит проект открытия педагогического института в рамках университета, наконец, вместе с профессором В. Дилем С. И. Гессен стремился объединить томских скаутов [8, с. 81–82, 90]. Стоит отметить, что и общественная потребность в реформировании школы была велика, а значит, и учительство стремилось к обновлению и пополнению знаний.

Курсы свою задачу выполнили. Это подтвердило анкетирование. Анкета, которую раздали поздно, видимо, перед закрытием курсов 715 учителям, была возвращена только 69 учителями. Тем не менее 10 % были анкетированы. Несмотря на такое ограниченное число ответивших на анкеты, можно составить мнение «курсистов» о преподавании. На вопрос, какими предметами учителя остались более всего удовлетворены, были даны такие ответы: историей – 38, педагогикой – 34, методикой русского языка – 29, философией права – 19, педагогической психологией – 12 и т.д. Курсами вообще остались довольны из числа 59 лиц, давших в анкете ответ на этот вопрос, 47 человек, не вполне довольны 3 человека и недовольны 9. Хозяйственной частью организации курсов остались довольны 27 человек, недовольны – 21 [6, с. 71–72]. Анкетирование учителей показало, что подавляющая их часть была удовлетворена приобретенными знаниями, на вечере в честь окончания курсов один учитель читал благодарственные стихи профессорам и организаторам. Они того заслужили. После курсов они все представили свои программы для опубликования, для того, чтобы учителя смогли воспользоваться их сжатыми конспектами. А организаторы курсов, в их числе и С. И. Гессен, подготовили рекомендации для будущих руководителей новых курсов, чтобы те избежали ошибок.

Были ли недостатки на курсах? Да, были. Не были вычитаны некоторые учебные дисциплины, такие, как сибиреведение (идеи областничества сквозили здесь,

но и идеи краеведения); минералогия и др.; не всех учителей «повысили» в их квалификации, учителя гимназий, средних профессиональных училищ не были на курсах, финансовые средства не позволили, пришлось этих педагогов «отсечь», были накладки в расписании и др. Но в целом педагогический Томск показал себя летом 1918 г. как «умственная столица» Сибири, обучил учителей из почти всех уголков её, даже из Якутии были учителя. Объединённые интел-

лектуальные силы города подтвердили, что им по плечу крупные акции по повышению квалификации учительства, по руководству образованием, по влиянию на судьбы школы. И так, роль С. И. Гессена была существенна в подготовке педагогов Сибири, Томска к работе в реорганизованной школе, он выступил в качестве одного из организаторов первых курсов учителей периода революции 1917 г. и Гражданской войны в Томске.

Литература

1. Школа и Жизнь Сибири. 1918. № 4.
2. Там же. № 3.
3. Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти / Под общ. ред. Ф. Ф. Шамахова. Новосибирск, 1970. С. 68; Знамя революции. 1918. 21 апреля.
4. Педагогическая хроника. Школа и Жизнь Сибири. 1918. № 3.
5. Там же. № 4.
6. Отчёт о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. Томск, 1919.
7. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
8. Профессора Томского университета: Библиографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов и др. Томск, 1996. Вып. 1.

Поступила в редакцию 16.10.2008

УДК 371.13 + 373.3

О. А. Козырева

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ УЧИТЕЛЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Подходы к пониманию сущности профессиональной компетентности педагога

Компетентного специалиста отличает способность среди множества решений выбрать наиболее оптимальное, аргументированно опровергать ложные решения — словом, обладать критическим мышлением. Компетентность предполагает постоянное обновление знания, владение новой информацией для успешного решения профессиональных задач в данное время и в данных условиях. Иными словами, «компетентность — это способность к актуальному (выделено автором) выполнению деятельности» [1].

В. Н. Введенский считает, что целесообразность введения понятия «профессиональная компетентность» обусловлена широтой его содержания, интегративной характеристикой, объединяющей такие широко используемые понятия, как «профессионализм», «квалификация», «профессиональные способности» и др. [2, с. 51–55].

В. Н. Введенский [2, с. 51–55] отмечает, что в психолого-педагогической науке существуют три основ-

ных подходов к исследованию содержания и структуры профессиональной компетентности: профессиографический, уровневый и задачный. Каждый из них имеет свои особенности. Так, профессиограмма, как набор требований к специалисту, удобна в применении, но целесообразна при описании только операциональных компетентностей. Система ключевых компетентностей, как многопараметрическая характеристика специалиста, не может определяться простой суммой имеющихся личностных качеств и способностей. Для этого необходимо применение комплекса взаимосвязанных параметров. Поэтому при целостном описании модели профессиональной компетентности необходимо использовать уровневый подход. Используя данный подход, автор выделяет коммуникативную, информационную, регулятивную и интеллектуально-педагогическую компетентности, причём последняя является базовой для остальных.

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволил выделить различные подходы к пониманию сущности профессиональной компетентности, одним из которых является функционально-